

Семинар 1. Внутренняя политика Павла I

ОТРЫВОК ИЗ АКТА О ПОРЯДКЕ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ ("Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Е. И. В. и положенный для хранения на престол Успенского собора"; 5 апреля 1797 г.) [ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17910. С. 587–589]

Мы, Павел, наследник, цесаревич и великий князь, и мы, супруга его, Мария, великая княгиня.

Во имя отца и сына и святого духа.

Общим нашим добровольным и взаимным согласием, по зрелом рассуждении и с спокойным духом постановили сей Акт наш общий, которым по любви к отечеству избираем наследником, по праву естественному, после смерти моей, Павла, сына нашего большего, Александра, а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего мужского поколения, наследство переходит в род второго моего сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшего моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было; чтои есть первородство.

По пресечении последнего мужского поколения сыновей моих, наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем престолу, дабы избегнуть затруднений при переходе, от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужское лицо женскому; однако здесь приметить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло. По пресечении сего рода, наследство переходит в род старшего моего сына в женское поколение, в котором наследует ближняя родственница последне-царствовавшего рода выше упомянутого сына моего, а в недостатке оной, то лице мужское или женское, которое заступает ее место, наблюдая, что мужское лицо предпочитается женскому, как уже выше сказано; что и есть заступление.

По пресечении же сих родов, наследство переходит в женский род прочих моих сыновей, следуя тому же порядку, а потом в род старшей дочери моей в мужское ее поколение, а по пресечении оного в женское ее поколение, следуя порядку, наблюденному в женских поколениях сыновей моих. По пресечении поколения мужского и женского старшей дочери моей, наследство переходит к поколению мужскому, а потом женскому второй дочери моей, и так далее. Здесь правилом положить должно, что меньшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы и не замужней, ибо она могла выдти замуж и родить детей; брат же меньшей наследует прежде старших своих сестер.

Положив правила наследства, должен объяснить причины оных. Они суть следующие: дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род...

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 346–347)

ОТРЫВКИ ИЗ УКАЗА О ЗАКРЕПОЩЕНИИ КРЕСТЬЯН В НОВОРОССИИ, НА ДОНУ И В ПРЕДКАВКАЗЬЕ ("О прекращении самовольного перехода поселян с места на место в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и области Таврической, равно как и переселения из других губерний в оные, о способах удовлетворения владельцев, потерпевших от сих переходов и о штрафах за прием и держание беглых людей"; 12 декабря 1796 г.) [ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17638. С. 233–234]

Известно нам, что в полуденном краю государства нашего, заключающего в себе губернии: Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и область Таврическую, своевольные переходы поселян с места на место наносили многим из тамошних обитателей великие в заведениях их расстройство и даже разорения, и что вкоренившемуся злу сему, поколико оно сделалось там общим, до приведения всех жителей тех губерний в известность воспрепятствовать не было средства без употребления самых крайних мер. А между тем подавало сие повод корыстолюбцам, забывшим присягу, отваживаться на подговоры туда к побегу крестьян и из самых внутренних губерний, в которых многие помещики лишились своих крестьян. Для прекращения всего того, и дабы единожды навсегда водворить в вышеупомянутых местах по сей части порядок, и утвердить в вечность собственность каждого владельца, за благо признали мы постановить:

1. Чтобы в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и области Таврической каждый из поселян остался в том месте и звании, как он по нынешней ревизии написан будет, а также на Дону и на острове Тамане с состояния сего указа нашего.

2. Чтоб удовлетворить тем владельцам, которые чрез бывшее доселе в оных местах нетвердое по сей части положение претерпели, и до сего указа нашего отыскиали своих беглых крестьян, у кого именно они находятся, принеся о том жалобы, куда следует, взыскать с помещиков или их селений, которые беглых крестьян приняли, за всякую мужеска пола душу по 50 рублей в два года, и отдать оные деньги владельцу, кому те крестьяне принадлежали; а буде они не похотят заплатить деньгами, возратить крестьян помещику...

3. Утвердить непременно пребывание поселян на местах ими обитаемых, и воспрещая отныне вольному их переходению, если после сего помещицьи селения беглых людей к себе примут и держать будут, с таковыми поступать по указу 13 мая 1754 года, без малейшего послабления...

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 343–344)

МАНИФЕСТ О НЕПРИНУЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН РАБОТАТЬ В ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ

(5 апреля 1797 г.)

[ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17909. С. 587]

Объявляем всем нашим верноподданным. Закон божий, в десятословии¹ нам преподанный, научает нас седьмой день посвящать Ему; почему в день настоящий, торжеством веры христианской прославленный, и в который мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред творцом и всех благ подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и неперменном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издольев остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 345–346)

¹ Десятословие – 10 заповедей Моисея; в одной из них предписывалось не работать в седьмой день.

ОТРЫВКИ ИЗ МЕМУАРОВ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРИЖСКОГО (1770–1861)

[Мемуары князя Адама Чарторижского. М., 1912. Т. 1.

С. 113, 114, 117–118, 126–129, 159–161]

Никогда еще по сигналу свистка не бывало такой быстрой смены всех декораций, как это произошло при восшествии на престол Павла I. Все изменилось быстрее, чем в один день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятия. Воротники и галстуки носили до тех пор довольно пышные, так, что они, может быть, чересчур уже закрывали нижнюю часть лица; теперь их моментально уменьшили и укоротили, обнажив тонкие шеи и выдающиеся вперед челюсти, которых не было видно прежде. Перед тем в моде была элегантная прическа на французский лад: волосы завивались и закалывались сзади низко опущенными. Теперь их стали зачесывать прямо и гладко, с двумя туго завитыми локонами над ушами, на прусский манер, с завязанным назад у самого корня пучком волос; все это было обильно напомажено, напудрено и напоминало наштукатуренную стену. До сих пор щеголи старались придать более изящный вид своим мундирам и охотно носили их расстегнутыми. Теперь же с неумолимой строгостью вводилось платье прусского покроя, времен старого Фридриха, которое носила гатчинская армия. Парад сделался главным занятием каждого дня, и на этих парадах разыгрывались самые важные события, под влиянием которых император на всю остальную часть дня становился довольным, или раздраженным, снисходительным и расточавшим милости, или строгим и даже ужасным.

Вскоре гатчинская миниатюрная армия торжественно вступила в Петербург. Она должна была служить образцом для гвардейцев и всей русской армии. То был день волнений и беспокойств для обоих великих князей. Они получили приказ стать во главе этого войска и вести его в столицы. Предстояло явиться перед публикой, плохо расположенной к этому войску и, – что было еще труднее, – угодить императору. Все обошлось благополучно...

Император оставил для себя в Зимнем дворце апартаменты, которые он занимал, будучи великим князем. Приемная зала была переполнена теми, кому разрешен был вход. Сюда отправлялись, как на забавное представление, проводили целые дни. Здесь шло беспрестанное движение, волнение, суетня; камердинеры, адъютанты в ботфортах бегали, натыкались друг на друга, одни ища кого-нибудь, другие неся приказы императора. Те, кого звали, являлись запыхавшись и не зная, что их ожидает; приглашенные в первые дни выходили минуту спустя, большею частью с радостными лицами, с красной или голубой лентой через плечо. Я видел как выходил таким образом из кабинета с голубой кавалерской лентой граф Николай Зубов, пожалованный чином обер-штабмейстера за то, что первым принес Павлу достоверное известие о его восшествии на престол. Впрочем, это было время непрерывных метаморфоз. Те, кто был велик и значителен при Екатерине, за малыми исключениями ввергались теперь в забвение и ничтожество. Появлялись новые лица и в короткое время делали себе неслыханную карьеру. Все министры были сменены...

...Император в своих решениях руководился лишь одним желанием, чтобы его воля немедленно исполнялась, хотя бы то были распоряжения, отданные по первому побуждению и без всяких размышлений. Ужас, им внушаемый, заставлял всех с трепетом и покорно опущенной головой подчиняться всем его приказаниям, самым неожиданным и странным. На парадах ежедневно происходили неприятные или необычайные сцены. Заслуженные офицеры и генералы по ничтожным поводам либо впадали в немилость, либо получали отличия, которые едва ли в обычное время могли быть заслужены ими самыми неизвинительными ошибками или самыми крупными заслугами, оказанными государству.

Император запретил ношение круглых шляп, которые он считал признаком либерализма. Если кто-нибудь в толпе, присутствовавшей на параде, показывался в круглой шляпе, адъютанты бросались вдогонку за виновным, убегающим со всех ног, чтобы избежать наказания палками в ближайшей кордегардии. Это была настоящая охота, продолжавшаяся по улицам, перед зрителями, которые забавлялись таким зрелищем, выражая пожелания, чтобы несчастному беглецу удалось скрыться. Лорд Витворт, английский посол, должен был

сделать себе особенной формы шляпу, в которой он мог бы гулять по утрам, не нарушая приказа императора.

Император ежедневно объезжал город в санях или в коляске, в сопровождении флигель-адъютанта. Каждый повстречавшийся с императором экипаж должен был остановиться: кучер, форейтор, лакей были обязаны снять шапки, владельцы экипажа должны были немедленно выйти и сделать глубокий реверанс императору, наблюдавшему, достаточно ли почтительно был он выполнен. Можно было видеть женщин с детьми, похолодевшими от страха, выходящих на снег, во время сильного мороза, или в грязь, во время распутицы, и с дрожью приветствующих государя глубоким поклоном. Императору все казалось, что им пренебрегают, как в то время, когда он был великим князем. Он любил всегда и всюду видеть знаки подчинения и страха, и ему казалось, что никогда не удастся внушить этих чувств в достаточной степени. Поэтому гуляя по улицам пешком или выезжая в экипаже, все очень заботились о том, чтобы избежать страшной встречи с государем. При его приближении или убегали в смежные улицы или прятались за подворотни.

Была возможна еще другая страшная встреча, а именно с ужасным Архаровым, обер-полицеймейстером, который также прогуливался по городу, чтобы наблюдать, все ли там было так, как предписывалось в приказах. Слишком быстрая езда на санях, столь любимая и распространенная в России, была запрещена. Если обер-полицеймейстер замечал экипаж, который, как ему казалось, нарушал это запрещение, он моментально приказывал остановить его и, избив кучера палкой, оставлял на довольно долгое время экипаж и лошадей в своем пользовании. Владелец же экипажа пешком отправлялся домой. Мой брат испытал однажды на себе эту скорую расправу. Выехав в санях, он имел несчастье встретиться с императором и едва успел выскочить из саней. Проезжая, император крикнул ему: “Вы могли разбить себе голову”. Едва брат успел возвратиться домой, как страшный обер-полицеймейстер Архаров прислал, по приказу императора, за лошадьми и санями и пользовался ими всю неделю, после чего вернул их обратно.

Император хотел установить при дворе такие же порядки, как и на парадах, в отношении строгого соблюдения церемониала при определении, как должны были подходить к нему и к императрице, сколько раз и каким образом должны были кланяться.

Обер-церемониймейстер обращался с придворными грубо, как с рекрутами, не обученными еще военным упражнениям и не знавшими, с какой ноги и в каком порядке маршировать. При церемонии целования руки, повторявшейся постоянно при всяком удобном случае, по воскресеньям и по всем праздникам, нужно было, сделав глубокий поклон, стать на одно колено и в этом положении приложиться к руке императора долгим и, главное, отчетливым поцелуем, при чем император целовал вас в щеку. Затем надлежало подойти с таким же коленопреклонением к императрице и потом удалиться, пятась задом, благодаря чему приходилось наступать на ноги тем, кто подвигался вперед. Это вносило беспорядок, несмотря на усилия обер-церемониймейстера, пока двор лучше не изучил этот маневр и пока император, довольный выражением подчинения и страха, которое он видел на всех лицах, сам не смягчился в своей строгости.

...Граф Кутайсов не сразу достиг всех этих почестей, сопровождавшихся значительными подарками землею и деньгами, которые, в конце концов, посыпались на него со все увеличивавшейся быстротой. Он бы и не мог достичь их в такое короткое время, если бы императрица и Нелидова² сохраняли свое влияние на императора. Эта невозможность или трудность для многих добиться успехов, пока продолжалось исключительное влияние императрицы и ее подруги, были главной причиной испытанного ими удара. Другие честолюбцы присоединились к фавориту-лакею³, чтобы руководить им и воспользоваться той, думаю я, магнетической силой, которую он умел проявлять над личностью своего господина. Граф Раstopчин был, как кажется, вдохновителем и душою заговора. Благодаря

² Е. И. Нелидова – фрейлина императрицы, фаворитка Павла.

³ Фаворит-лакей – И. П. Кутайсов, камердинер Павла I, получивший от него графский титул.

интриге, он был удален от императора и заменен Нелидовым, племянником фрейлины с портретом (этот орден дает в России чин фельдмаршала; из девиц только Протасова при Екатерине, Нелидова при Павле и Орлова при Николае получили этот орден).

Растопчин был даже выслан в Москву, ибо Павел никогда не удерживался в границах умеренности, всегда преувеличивал значение всякого намека, во всем спешил и заходил как можно дальше. Растопчин был не из тех, кто прощает подобные обиды: он хотел отомстить тем, кто был причиной его падения, и соединился с Кутайсовым. Надо было вырвать Павла из-под власти увлечения Нелидовой и поссорить его с женой. Для этого императору дали понять, что он состоит под опекой, что эти две женщины управляют страной от его имени, что в этом все убеждены. Ему представили особу моложе и красивее Нелидовой и уверили, что она не будет иметь претензий на то, чтобы им править. Все это увенчалось удачей. Павел влюбился в дочь Лопухина, бывшего московским полицеймейстером при Екатерине. Лопухин получил титул князя и голубую ленту за то, что не препятствовал видам императора на его дочь. Растопчин был возвращен и получил пост министра иностранных дел. Все должностные лица, принадлежавшие к партии императрицы, князя Куракины и их родственники, с старым князем Репниным во главе, потеряли свои места и были высланы в Москву. Крушение партии было полное. Стоило императору заподозрить, что кто-нибудь пользуется протекцией или благоволением императрицы, и такой человек терял должность и был удален от двора.

С той поры Павла стали преследовать тысячи подозрений; ему казалось, что его сыновья не достаточно ему преданы, что его жена желает царствовать вместо него. Слишком хорошо удалось внушить ему недоверие к императрице и к его старым слугам. С этого времени началась для всех, кто был близок ко двору, жизнь полная страха, вечной неуверенности. Над каждым тяготела возможность быть высланным или подвергнуться оскорбительным выговорам в присутствии всего двора, при чем император обыкновенно возлагал исполнение этого неприятного поручения на маршала двора. Наступило нечто вроде эпохи террора. Придворные балы и празднества стали опасной ареной, где рисковали потерять и положение и свободу. Императору вдруг приходила мысль, что к особе, которую он отличал, или к какой-нибудь даме из числа ее родственниц или близких к ней относятся с недостаточным уважением и что это было следствием коварства императрицы; и он тотчас отдавал приказ немедленно удалить от двора того, на кого падало его подозрение. Предлогом для этого мог послужить и недостаточно почтительный поклон, и то, что невежливо повернулись спиной во время контр-данса или еще какие-нибудь другие проступки в этом роде. Но подобные случаи влекли за собой события с несчастнейшими последствиями для тех, кто навлекал на себя подозрение или неудовольствие императора. Его гнев и его решения вспыхивали моментально и тотчас же приводились в исполнение.

Другие монархи, после первой вспышки гнева и чрезмерно проявленной жестокости иногда успокаиваются и стараются, обыкновенно, смягчить последствия своей первоначальной строгости. Но не так было с Павлом. Чаще всего, отдав приказ относительно человека, на которого он рассердился, через некоторое время обдумав, он не находил уже первоначальное наказание достаточным и поминутно усиливал жестокость кары: приказ удалиться заменял приказом никогда не появляться, простую высылку заменял ссылкой в Сибирь и проч. и проч.

Все те, кто принадлежал ко двору или появлялся перед императором, находились в состоянии постоянного страха. Никто не был уверен, будет ли он еще на своем месте к концу дня. Ложась спать, не знали, не явится ли ночью или утром какой-нибудь фельдъегерь, чтобы посадить вас в кибитку. Это была обычная тема разговоров и даже шуток...

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 339–343)